

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81-119
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

Э. В. Будаев, В. В. Тихонов
Екатеринбург, Россия

ЗООМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА В СМИ РОССИИ И США

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена сопоставительному когнитивному исследованию зооморфных метафор, используемых в российских и американских СМИ для концептуализации сирийского конфликта в 2015—2016 гг. Сопоставительный анализ показал, что зооморфные метафоры востребованы в СМИ обеих стран, а структура метафорических моделей, актуализируемых в СМИ России и США, схожа. Структурное различие касается слота «Животные как объект ухода», который представлен только в российских СМИ: это связано с тем, что на Западе умалчивают о спонсировании террористов со стороны Турции. При значительной схожести концептуального инвентаря образов в сфере-источнике наблюдаются различия в подборе концептов сферы-мишени, притягивающих эти образы. Зооморфные метафоры хорошо отражают различия в мотивации сторон конфликта, позволяя преследовать прагматические цели через механизмы переконцептуализации массового сознания. Официально постулируемая в политических дискурсах борьба с терроризмом и надежда на формирование единого антитеррористического фронта не находят подтверждения в метафорической коммуникации. Анализ зооморфных метафор и их роли в категоризации сторон сирийского конфликта свидетельствует о значительных расхождениях в видении ситуации и наличии латентных интенций, которые явно не эксплицируются, но неизбежно проявляются в информационном противостоянии с помощью метафорических моделей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: зооморфная метафора; метафорическая модель; политический дискурс; сирийский конфликт; СМИ США; СМИ России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Российский государственный профессионально-педагогический университет; 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11; e-mail: aedw@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Тихонов Виталий Владимирович, магистрант, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: vitalik212@hotmail.com.

Современные лингвистические исследования показывают, что зооморфная метафора как феномен человеческого мышления имеет давние истоки, но ее моделирующий потенциал до сих пор активно используется в политических дискурсах самых разных стран: Бразилии [Ramalho 2005], Венесуэлы [Hernández 2004], Германии [Zinken 2004], Италии [Di Sparti 1995], России [Вершинина 2002; Чудинов 2001], США [Lakoff 2004; Santa Ana 2002], Швеции [Candel 2005], Литвы [Sakalauskaite 2010] и других. Типичная сфера-мишень для зооморфной метафоры — политический оппонент, поэтому зооморфные метафоры в большинстве своем обладают пейоративными оценочными смыслами. Квантитативный анализ многотысячного корпуса зооморфных образов в китайском и немецком языках показал, что только 13 % китайских и 18 % немецких образов обладают позитивной оценкой, 21 % китайских и 18 % немецких зооморфизмов рассматриваются как оценочно нейтральные, в то время как негативную оценку привносят 66 % и 64 % образов соответственно [Hsieh 2004]. Большая часть зооморфных метафор, актуализированных в русском политическом дискурсе, также несет в себе негативные смыслы [Чудинов 2001: 135].

Таким образом, зооморфная метафора априори обладает определенным пейоративным оценочным потенциалом. Вместе с тем характеристики зооморфной метафорической модели меняются в зависимости от экстралингвистических факторов. Особо значимые корреляции метафорических моделей и дискурсивных факторов наблюдаются в периоды политических кризисов, по этой причине внимание специалистов по метафорологии и политической лингвистике привлекает именно кризисная коммуникация [Баранов 2003; De Landtsheer 1991, 2004, 2008; Vertessen 2008].

В настоящей работе рассматривается функционирование зооморфной метафоры в дискурсе политического кризиса в Сирии. Началом этого кризиса можно считать март 2011 г., когда в Сирийской Арабской Республике началась гражданская война между сторонниками президента Б. Асада и отрядами сирийской оппозиции. В 2013—2015 гг. слабостью государственной власти воспользовались террористы ИГИЛ, захватившие большую часть территории страны. Осенью 2015 г. по просьбе президента Сирии Башара аль-Асада Российская Федерация задействовала на территории Сирии вооруженные силы с целью предотвращения развала государственной власти и борьбы с террори-

стическими организациями, такими как ИГИЛ, «Джебхат-ан-Нусра», «Ахрар аш-Шам» и другими.

Новости о российской операции в Сирии не сходили с первых полос российских средств массовой информации, а важное место в описании событий заняла зооморфная концептуальная метафора. Материалом для настоящего исследования зооморфных образов послужили печатные и электронные тексты российских и американских СМИ: «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», РИА, ТАСС, РБК, «Вести», Первый канал, «Взгляд», «Russia Today», «Звезда», «Правда.ру», «Известия», «The Los Angeles Times», «Forbes», «The Washington Post», «The New York Post», «The USA Today», «Foreign Policy», «The Wall Street Journal» и др.

Анализ языковых единиц позволил выделить метафорическую модель «СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ — ЭТО МИР ЖИВОТНЫХ», состоящую из следующих фреймов: «Состав царства животных», «Действия животных», «Части тела животного», «Обращение с животными», «Место обитания животных». Рассмотрим подробнее эти фреймы.

1. Фрейм «Состав царства животных»

Субъекты политической деятельности представляются в виде животного, обладающего определенными чертами и свойствами. Так, в данном фрейме можно выделить следующие метафорические образы: *зверь, змея, киска, пес, крыса, таракан, медведь, тигр, лев, птица*. Ср.: Дело в том, что отходя и покидая свои позиции, террористы нередко убивают всех заложников, отравляют провиант, который не могут унести, сжигают дома. Такие прецеденты не везде, но есть. **Зверь, загнанный в угол, дерется ожесточеннее.** А когда речь идет о сектантах, имеет место жестокость нечеловеческого свойства, бессмысленная и беспощадная (Мария Безчастная // Свободная Пресса. 07.03.2016); Нельзя закрывать глаза на то, что некоторые стремятся убивать и разрушать, и радикальный ислам поощряет и структурирует именно эти стремления. **Нужно понять, что это за зверь такой — исламизм, и прекратить уверять всех, и себя в первую очередь, что это не монстр, а просто такая большая киска, и если погладить у нее за ушком, она ляжет у ваших ног** (А. Гейфман // 9 канал. 01.03.2016); Таким образом, все стороны конфликта в Магрибе в данный момент находятся на перепутье, а извне усиливаются попытки перетасовать всю колоду политических лидеров, террористических организаций и

прочих участников процесса. **ИГИЛ в этом случае будет отводиться роль цепного пса, искусственно или напрямую бросаемого то на одну, то на другую линию фронта для усиления или ослабления позиций прочих игроков** (А. Топалов // Взгляд. 08.02.2016); **Боевики ИГИЛ разбегаются как тараканы** (Звезда // 4.12.2015).

Типичные концепты сферы-мишени метафорической экспансии — ТЕРРОРИСТЫ и РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ. Представленные образы несут негативные смыслы дегуманизации противника (*зверь, монстр, тараканы, цепной пес*). Из этого ряда могла бы выпасть метафора *киска*. Однако контекст показывает, что и в данном примере, казалось бы, мелиоративный образ используется для привнесения негативных смыслов.

Зооморфные метафоры данного фрейма обычно акцентируют жестокость врага (*зверь, пес, монстр*). Что же касается метафоры *тараканы*, то она описывает поведение террористов во время бомбардировки российской авиацией, что призвано разрушить миф об их непобедимости.

Вместе с тем в данном фрейме присутствует немало примеров с мелиоративными смыслами (*лев, медведь, кошка, птицы*), ср.: Конечно, стало понятно и очевидно, что готовится большая зачистка Сирии. И в этом случае появившийся там **„русский медведь“**, то есть когда он запустил туда лапу, он как бы фактически восстановил статус-кво, то есть стало понятно, что никто никуда не пойдет, как в том старом добром анекдоте (С. Михеев // Вести ФМ. 18.03.2016); **Путина в Сирии называли „львом и защитником“**, сравнив со святыми. „Вы знаете, Владимир Путин — он пришел сюда как наш спаситель и защитник! Мы называем его Хейдар, Лев — это прозвище носил наш Имам Али“, — говорят жители Зейнабии (Звезда. 08.01.2016); **Наши в Сирии: снова „вежливая кошка“ в темной комнате? Россия не подтверждает присутствия своих военных на родине Башара Асада, но возможность этого уже — часть большой политической игры** (А. Байдакова // Новая газета. 09.09.2015); **И, казалось бы, эта новость касается лишь военных, но нет. Если посмотреть шире, то понятно, почему прилетевшие железные птицы произвели такой фурор, причем не только среди экспертов** (Е. Лямин // Первый канал. 07.02.2016).

Типичные концепты сферы-мишени метафорической экспансии, притягивающие положительные смыслы, — РОССИЯ, РОССИЙСКАЯ АРМИЯ, ПУТИН. Образ медведя — типичная метафора для России, чего нельзя

сказать о льве и кошке. Примечательно, что метафора льва переплелась с сирийским прецедентным феноменом (*Хейдар — Имам Али*), а образ «вежливой кошки» — с прецедентной ситуацией, связанной с присоединением Крыма. Эти нетипичные зооморфные метафоры появились в российских СМИ в результате воздействия на политический дискурс экстралингвистических факторов.

В СМИ США также используются метафоры данного фрейма, но негативные зооморфные образы служат для описания не только террористов, но и России. Ср.: *ISIL using lone wolf attackers in Europe as smoke screen for larger plots* (Т. Whitehead // The Telegraph. 29.03.2016). — *Использование ИГИЛ волков-одиночек для атак в Европе — это дымовая завеса для более масштабных сценариев; Why the U.S. needs to dance with the Russian bear in Syria?* (The Los Angeles Times. 30.09.2015). — *Почему США вынуждены плясать с российским медведем в Сирии?*

Хотя к образу медведя обращаются и американские СМИ, их оценки в данном случае смещены с положительных на нейтральные или негативные. Метафора *bear* выполняет стандартную функцию негативных зооморфных метафор, заключающуюся в дегуманизации оппонентов, к которым, помимо террористов, приписывают и Россию.

2. Фрейм «Действия животных»

Для демонстрации отношения между основными сторонами сирийского конфликта достаточно часто используется зооморфная метафора, апеллирующая к повадкам животных. В данном фрейме наиболее распространены следующие концепты: *вставать на лапы, разрывать, грызть, тянуть щупальца, кусать*. Приведем примеры: *И Турция видела в этой организации некий противовес ИГИЛ. ...опять русский медведь поднимается на задние лапы на Востоке* (О. Артук // Правда. 21.10.2015); *Европу уже заполнили сотни, если не тысячи спящих, и иногда, как видим, просыпающихся агентов ИГИЛ. Буквально в пятницу президент Турции сделал заявление, которое сегодня вспоминают все европейские газеты: „Нет никакой причины, чтобы взорвавшаяся в Анкаре бомба не взорвалась в Брюсселе. Вы пригрили змею, которая в любой момент может вас укусить. Вы поймете нас, когда бомбы взорвутся в ваших городах, но это будет уже поздно“* (А. Кондрашев // Вести. 22.03.2016); *„Явная наша удача в Сирии вызвала такую, может быть, уже предпоследнюю подножку западных союзников США по отношению к нам, — сказал газете ВЗГЛЯД вице-президент Академии*

геополитических проблем полковник ВВС Владимир Анохин, участвовавший в боевых действиях в Сирии в 1970-е. — Не знаю, что будет дальше, но во всяком случае, Запад начинает трезветь. Когда лидеры протрезвеют, они увидят, в какую мышеловку они попали, и будут грызть ее прутья“ (Р. Крецул // Взгляд. 11.02.2016); *Как террористы ИГИЛ вознамерились откусить „турецкую руку“* (А. Григорьев // Рен-Тв. 17.01.2016); *На Ближнем Востоке разверзается громадная черная дыра. Из нее выползает мерзкая отвратительная медуза ИГИЛ (арабское название — ДАИШ, запрещена в РФ), тянет свои щупальца к русскому Северному Кавказу, к Крыму, к Средней Азии.*

Большинство метафор характеризуются негативной оценкой и агрессивными прагматическими смыслами, что отражает конфронтационный характер описываемых реалий.

В американских СМИ агрессивная борьба разных сторон сирийского конфликта представлена посредством метафор *to bite* (*кусать*), *to claw* (*рвать*), *to bristle* (*ощетиниться*), *to show teeth* (*показывать зубы*): *Putin has bitten off more than he can chew* (А. Korewa // Newsweek. 10.02.2015). — *Путин откусил больше, чем он сможет прожевать; President Vladimir Putin has shown his teeth in Georgia in 2008, in Ukraine in 2014-15 and in Syria today* (W. Clarck // The USA Today 11.02.2016). — *Президент Путин показал зубы в Грузии в 2008, на Украине в 2014—2015 и в Сирии сегодня; The advance is being hailed as highly symbolic for Syrian forces, which have relied heavily on Russia and Iran to claw back losses suffered over the past four years* (M. Chulov // The Guardian. 24.03.2016). — *Наступление носит символический характер для Сирийской армии, которая в большей степени полагалась на Россию и Иран, которые помогали оторвать обратно потерянные и страдающие на протяжении последних четырех лет территории.*

В СМИ США, в отличие от российских массмедиа, типичным концептом сферы мишени является ПУТИН. Зооморфизмы призваны дегуманизировать российского президента и дискредитировать его анти-террористические инициативы путем представления их агрессивными «звероподобными» действиями.

3. Фрейм «Обращение с животными»

Данный фрейм можно дополнительно структурировать, выделив слоты «Животные как объект агрессии», «Животные как объект эксплуатации», «Животные как объект ухода».

Слот 3.1. Животные как объект агрессии

Достаточно часто в политической речи зооморфная метафора отражает агрессию, возникающую между политическими конкурентами: *охота, травить, дразнить, будить*. Ср.: „Сезон свободной охоты на ИГИЛ“ *открыт*: как ВКС РФ сожгли 1000 бензовозов террористов (Д. Юров // Звезда. 24.11.2015); *Стратегия США — направить всех на всех* (Е. Сатановский // Вести ФМ. 30.12.2015); *И всё это к тому же еще и с центром в Саудовской Аравии. Таким образом, мы видим, что борьбу с засильем крыс решили взять на себя главные разводчики крыс* (Е. Сатановский // Вести ФМ. 15.12.15); *Асад разбудил зверя и просит Россию дразнить его*, или *Мутная военная доктрина России, ведущая в ад* (Д. Айвазян).

Типичный концепт сферы-мишени в данном слоте — ИГИЛ (как объект охоты) и РОССИЙСКАЯ АРМИЯ (как охотник).

В американских СМИ также используется потенциал данных метафор, особенно характерны метафоры *to hunt* (охотиться), *to tighten the noose* (затянуть петлю).

Haunted by war, many Syrian kids have no psychological support (S. Jones // The Huffington Post. 22.12.2015). — *Преследуемые на военной охоте, большинство сирийских детей не имеют психологической помощи; The fight to finally obliterate the depraved Islamic State (ISIS) terror group must now focus on tightening “the noose around the head of the snake in Syria”* (M. Fallon // The Express. 20.01.2016). — *Мы должны сосредоточиться на том, чтобы затянуть петлю вокруг головы змеи в Сирии, чтобы наконец победить ИГИЛ*.

В отличие от российских СМИ, американские массмедиа рисуют метафорическую картину, в которой объектом охоты и агрессии становятся не только террористы, но и сирийские граждане, в том числе дети.

Слот 3.2. Животные как объект эксплуатации

В приведенных ниже примерах политические субъекты используют возможности для получения определенной выгоды, что описывается с помощью образов эксплуатации животных: *США „быстро запрягли“ свою авиацию, но так и не добрались до цели, громогласно объявленной Барак Обама в сентябре 2014 г., не просто ослабить ИГИЛ, но и полностью его ликвидировать* (М. Муртазин // Infox 21.10.2015); *Сирийский конфликт: США и Россия оказались в одной упряжке*.

С помощью метафор данного слота в российской прессе актуализируются смыслы

совместной борьбы с террором. Типичные концепты сферы-мишени — АРМИЯ США и АРМИЯ РОССИИ.

Американские СМИ используют метафоры данного слота для концептуализации терроризма, на который нужно надеть намордник (*to muzzle*), потока мигрантов и президента Б. Асада, которых необходимо обуздать (*to curb, to rein in*). Ср.: *A new European Union-Turkey agreement comes into effect next week to curb the flow of migrants* (M. Trezzini // The Chicago Tribune. 30.03.2016); *Did the invasion of Afghanistan muzzle terrorism? A decade and a half later, we are still at war in that poor benighted country, and the terrorism that we experienced on 9/11 has spread to Madrid, Paris, Beirut, Ankara, Cairo, Brussels, Damascus, Baghdad, and other cities. We sowed the wind in Somalia, Iraq, Libya, Yemen, and Syria* (C. Hallinan // People's World. 30.03.2016). — *Вторжение в Афганистан обузда-ло терроризм? Спустя десять с половиной лет мы все еще находимся в войне с этой бедной страной, и тот терроризм, с которым мы познакомились 11 сентября, распространился на Мадрид, Париж, Бейрут, Анкару, Каир, Брюссель, Дамаск, Багдад и другие города. Мы посеяли ветер терроризма в Сомали, Ираке, Ливии, Йемене и Сирии; Those attacks, along with this week's renewed violence, have raised pressure on Moscow to rein in its partner* (N. Malas // The Wall Street Journal. 01.04.2016). — *Те атаки, наряду с возобновленной жестокостью, оказали давление на Москву, чтобы та обузда-ла своих партнеров*.

Слот 3.3. Животные как объект ухода

Для достижения того или иного результата субъектам политической деятельности необходимо обеспечить условия для оптимальной жизнедеятельности «животных». Типичный концепт сферы-мишени в данном слоте — ТЕРРОРИСТЫ, которых *прикармливают* страны Запада и Ближнего Востока. Ср.: *То есть, получается, что все субъекты этого процесса — Америка, Турция, Саудовская Аравия, Катар — каждый пытается немного своих террористов прикармливать, да, оставить* (С. Корневский // Вести ФМ. 21.12.15); *Новые „Калибры“ в помощь Асаду, Москва и Дамаск не признают Свободную сирийскую армию, Турция кормит террористов и ворует древности, Сирия будет сбивать самолеты НАТО* (А. Кириллова // Федеральное агентство новостей. 12.12.2015).

В американских СМИ метафоры данного слота оказались неактуальны, что неудивительно, ведь рисуемая ими картина мира крайне нелицеприятна для американского

общества, независимо от того, соответствует ли информация о поддержке США и их союзниками террористов действительности или нет.

4. Фрейм «Части тела животного»

Метафоры данного фрейма (*когти, клыки, зубы*) используются для описания военного потенциала как террористов, так и российской армии, с той лишь разницей, что российская армия эффективно использует *когти*, лишая животных-террористов возможности применить «органы агрессии»: *Терроризм без денег — это зверь без зубов* (А. Антонов // Russia Today. 02.12.2015); *Российские летчики продолжают „вырывать клыки и когти“ у боевиков ИГ в Сирии*. Подобраться к авиабазе Хмеймим не могут ни исламисты, ни американцы. // В ходе антитеррористической спецоперации в Арабской Республике России удалось задействовать все возможности своей дальней авиации и современных крылатых ракет, „показать новейшие когти ‘Медведя’“ (то есть стратегического бомбардировщика Ту-95, по кодификации НАТО он именуется Bear, что переводится на русский как „медведь“. — прим. „Звезды“) (ТВ Звезда. 21.11.2015).

В американской прессе тоже используются подобные метафоры — *teeth* (*зубы*), *claws* (*когти*), *clutches* (*лапы*), ср.: *Turkey more than likely wouldn't want the troops to insert into the lower half of the country (the teeth of the Syrian defense) and a flanking maneuver doesn't make a lot of sense in this case* (С. Martin // Wikileaks. 22.11.2011). — Турция, вероятно, не захочет отправлять на юг страны свои войска (в зубы сирийской обороны), а также фланговый маневр не принесет никакого смысла; *The British lion's claws: With Syrian airstrikes looming, these are the weapons that will rain fire on ISIS* (S. Webb // The Mirror 02.12.2015). — Британские когти льва: вместе с авиаударами по Сирии это оружие устроит огненный дождь для ИГИЛ.

Особенность концептуализации сирийского конфликта в США заключается в том, что речь идет о *клыках* и *зубах* армий стран Запада, а также сирийской оппозиции, что нехарактерно для российской прессы.

5. Фрейм «Место обитания животных»

Территория Сирии, используемая как правительственными войсками, так и террористами, может быть метафорически описана как место обитания животных. Как в российских (логово, гнездо), так и американских СМИ (*lair, nest*) используются подобные ме-

тафоры. Ср.: *Две сирийские женщины, используя скрытую камеру, тайно сняли жизнь в логове ДАИШ* (арабское название запрещенной в РФ группировки „Исламское государство“) в северном сирийском городе Ракка (М. Макарычев // LifeNews. 15.03.2016); *Полет над гнездом ИГИЛа* (А. Коц // КП. 04.10.2016); *Военное вмешательство России в сирийские события остановило крайне опасный не только для региона, но и для Европы, и для всего мира процесс разрастания змеиного гнезда „исламского халифата“ — главной цели ИГИЛ* (В. Баранец // КП. 31.10.2016); *The teahouse eventually was closed down after pressure from worried parents —but not because it had served as an ISIS lair, because it did not have a proper license* (Т. Seibert // The Daily Beast. 16.10.2015). — Кафе было закрыто под давлением беспокоившихся родителей, но не потому, что оно служило в качестве логова ИГИЛ, а потому, что оно не имело необходимой лицензии; *A soldier dubbed the Russian Rambo was about to become a dad when he sacrificed himself destroying a nest of ISIS fighters* (М. Havis // Daily Star. 30.03.2016). — Солдат, которого окрестили русским Рэмбо, должен был стать отцом, когда он пожертвовал собой, чтобы уничтожить гнездо ИГИЛ.

Данный фрейм является редким примером совпадения концептов сферы-мишени в российской и американской прессе. Типичный концепт сферы-мишени — МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ТЕРРОРИСТОВ.

Представленный материал свидетельствует о востребованности и структурированности зооморфной метафорической модели в СМИ России и США. Для зооморфной метафоры в контексте сирийского конфликта характерны концептуальные векторы жестокости и агрессии. При сопоставлении метафор в российских и американских СМИ обнаруживается схожесть использованных образов при описании сирийского конфликта, однако при существенных параллелях наблюдаются значимые различия.

Так, представление президентов России и Сирии существенно разнится в западных и российских СМИ: если в России Путин представляется львом, то в американских и британских — зверем, оскалившимся на всех. Более того, интересен и тот факт, что слот «Животные как объект ухода» представлен только в российских СМИ. Это связано с тем, что на Западе молчат о спонсировании террористов со стороны Турции (и, возможно, других стран Запада и Ближнего Востока), которая преследует свои геополитические цели. Турция, в свою очередь, с 1952 г. является страной — членом НАТО, организации, миссией которой

является борьба с терроризмом. В российских СМИ осуждается роль Североатлантического альянса вместе с его непонятными целями по борьбе с терроризмом и позицией по будущему Сирии.

Таким образом, при значительной схожести концептуального инвентаря образов в сфере-источнике, в кризисной коммуникации наблюдаются различия в подборе концептов сферы-мишени, притягивающих эти образы. Зооморфные метафоры хорошо отражают различия в мотивации сторон конфликта, явно не высказываемые, но неизбежно проявляющиеся в политическом дискурсе. Постулируемая всеми борьба с терроризмом и надежда на формирование единого фронта против общего врага (подобно общему фронту союзников против фашизма) не находят подтверждения в метафорической коммуникации. Анализ зооморфных метафор и их роли в категоризации сторон сирийского конфликта свидетельствует о значительных расхождениях в видении ситуации и латентных интенциях, явно не эксплицируемых, но неизбежно проявляемых в информационном противостоянии с помощью метафорических моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык средств массовой информации. — М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 134—140.
2. Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. — Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. 160 с.
3. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. 24 с.

4. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ — ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005. 231 с.

5. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999—2000 гг.)»: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. 202 с.

6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

7. Candel B. Political Islam and Translation Metaphors and Frames in Media Reporting and Islamist Rhetoric: MA Dissertation. — Guildford: Univ. of Surrey, 2005. 95 p.

8. De Landtsheer Ch., Vries Ph. De, Vertessen D. Political Impression Management: How Metaphors, Sound Bites, Appearance Effectiveness, and Personality Traits Can Win Elections // Journ. of Political Marketing. 2008. Vol. 7 (3/4). P. 217—238.

9. De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24 (3/4). P. 299—342.

10. De Landtsheer Ch., De Vrij I. Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis // Metaphorical World Politics / ed. by F. A. Beer, Ch. de Landtsheer. — East Lansing: Michigan State Univ. Pr., 2004. P. 163—189.

11. Di Sparti A. Metafora, guerra e strategie comunicative // Raccontare la guerra / a cura di A. Di Sparti, M. Giacomarra. — Palermo: L'Epos, 1995. P. 13—49.

12. Hernández M. L. La metáfora política en la prensa venezolana: Un estudio lingüístico cognitivo // Revista de Ciencias Humanas y Sociales. 2004. Vol. 20, № 44. P. 55—77.

13. Hsieh S. C. The Corpora of Mandarin Chinese and German Animal Fixed Expressions: A Cognitive Semantic Application // Birmingham Univ. Centre for Computer Corpus Research on Language Technical Papers. 2004. Vol. 18. P. 27—35.

14. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. — White River Junction: Chelsea Green Publ., 2004. 124 p.

15. Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. — Austin, TX: Univ. of Texas Pr., 2002. 402 p.

16. Sakalauskaite A. Zoometaphors in English, German, and Lithuanian: A Corpus Study: PhD dissertation. — Univ. of California, Berkeley, 2010. 120 p.

17. Vertessen D., De Landtsheer Ch. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / ed. by T. Carver, J. Pikalo. — London: Routledge, 2008. P. 271—285.

18. Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // Journ. of Multilingual and Multicultural Development. 2004. Vol. 25, № 5/6. P. 424—436.

E. V. Budaev, V. V. Tikhonov
Ekaterinburg, Russia

ZOOMORPHIC METAPHORS AS A TOOL FOR CONCEPTUALIZATION OF CONFLICT IN SYRIA IN US AND RUSSIAN MASS MEDIA

ABSTRACT. The paper deals with contrastive analysis of zoomorphic metaphors in the US and Russian mass-media covering the conflict in Syria in 2015-2016. The analysis revealed that metaphors of animals are widely spread in both Russian and US mass media as a tool for conceptualizing the Syrian Civil War. The structures of Russian and US metaphoric models are isomorphic except for the slot "Animal care" which was not found in the US mass media but was represented in Russian media texts. This finding is explained by the suppression of facts in the US mass media as far as Turkish state-sponsorship of ISIS is concerned. Although zoomorphic metaphors in Russian and American cultures reflect similar thinking patterns, thus indicating metaphors of animals are universal, there are significant differences concerning the concepts of the target domains. Metaphors of animals let the mass media achieve pragmatic goals and change the conceptualization of the Syrian conflict in public consciousness. Nonetheless, zoomorphic images clearly demonstrate the difference of motivation of all parties to the Syrian conflict. According to official political discourses all states are committed to fighting terrorism. However, research into metaphors of animals reveals political actors' latent intentions, which are not explicit but inevitably become apparent in metaphoric communication.

KEYWORDS: metaphors of animals; metaphoric model; political discourse; conflict in Syria; US mass media; Russian mass media.

ABOUT THE AUTHOR: Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Tikhonov Vitaliy Vladimirovich, Master's Degree Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Baranov A. N. Politicheskaya metaforika publitsisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa // Yazyk sredstv massovoy informatsii. — M. : Izd-vo MGU, 2003. S. 134—140.
2. Budaev E. V. Postsovetskaya deystvitel'nost' v metaforakh rossiyskoy i britanskoy pressy. — Nizhniy Tagil : NTGSPA, 2007. 160 s.
3. Vershinina T. S. Zoomorfnaya, fitomorfnaya i antropomorfnaya metafora v sovremennom politicheskom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2002. 24 s.
4. Krasil'nikova N. A. Metaforicheskaya reprezentatsiya lingvokul'turologicheskoy kategorii SVOI — ChUZhIE v ekologicheskoy diskurse SShA, Rossii i Anglii : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2005. 231 s.
5. Ryaposova A. B. Metaforicheskie modeli s agressivnym pragmaticheskim potentsialom v politicheskom narrative «Rossiyskie federal'nye vybory (1999—2000 gg.)» : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2002. 202 s.
6. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
7. Candel B. Political Islam and Translation Metaphors and Frames in Media Reporting and Islamist Rhetoric : MA Dissertation. — Guildford : Univ. of Surrey, 2005. 95 p.
8. De Landtsheer Ch., Vries Ph. De, Vertessen D. Political Impression Management: How Metaphors, Sound Bites, Appearance Effectiveness, and Personality Traits Can Win Elections // Journ. of Political Marketing. 2008. Vol. 7 (3/4). P. 217—238.
9. De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24 (3/4). P. 299—342.
10. De Landtsheer Ch., De Vrij I. Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis // Metaphorical World Politics / ed. by F. A. Beer, Ch. de Landtsheer. — East Lansing : Michigan State Univ. Pr., 2004. P. 163—189.
11. Di Sparti A. Metafora, guerra e strategie comunicative // Raccontare la guerra / a cura di A. Di Sparti, M. Giacomarra. — Palermo : L'Epos, 1995. P. 13—49.
12. Hernández M. L. La metáfora política en la prensa venezolana: Un estudio lingüístico cognitivo // Revista de Ciencias Humanas y Sociales. 2004. Vol. 20, № 44. P. 55—77.
13. Hsieh S. C. The Corpora of Mandarin Chinese and German Animal Fixed Expressions: A Cognitive Semantic Application // Birmingham Univ. Centre for Computer Corpus Research on Language Technical Papers. 2004. Vol. 18. P. 27—35.
14. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. — White River Junction : Chelsea Green Publ., 2004. 124 p.
15. Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. — Austin, TX : Univ. of Texas Pr., 2002. 402 p.
16. Sakalauskaitė A. Zoometaphors in English, German, and Lithuanian: A Corpus Study : PhD dissertation. — Univ. of California, Berkeley, 2010. 120 p.
17. Vertessen D., De Landtsheer Ch. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / ed. by T. Carver, J. Pikalo. — London : Routledge, 2008. P. 271—285.
18. Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // Journ. of Multilingual and Multicultural Development. 2004. Vol. 25, № 5/6. P. 424—436.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.